

"Историко-документальную повесть "Барон Жолток" я написал за время августовского отпуска... Это история одной семьи. Много боли, романтики и неизвестных эпизодов нашей истории 15 и 19 веков. Писал на одном дыхании, но только после того, как полтора года изучал архивы".

ОТЕЦ

Ближе к весне мне приходилось прилетать в Москву все чаще. Отцу становилось день ото дня хуже, и я боялся, что когда наступит развязка, меня не окажется рядом. Лечащий врач, военный медик с вечно грустными глазами и мягким голосом, убеждал меня, что успеет предупредить об ухудшении состояния отца - мол, столько генералов провозжал и знает, что Смерть - старуха педантичная. Всё у нее по часам, всё выверено, хозяйство плановое. Никто еще с таким тяжелым заболеванием с ее крючка не соскакивал, но и раньше положенного ею не умирал.

Но, как говорится, нет правил без исключений. Батя оказался человеком крепкого тела и воли, и он вовсе не собирался уступать даже такой уважаемой даме как Смерть. Врачам и правда, было чему удивляться. Его сердце не сдавалось, несмотря на лошадиные дозы обезболивающего. Обычно человек в его возрасте после таких инъекций не протянул бы и двух недель, а этот боролся, сердце его качало жизнь в мозг, мозг продолжал мыслить, анализировать всё, что случилось со старым генералом, для которого госпитальная койка стала последним рубежом обороны.

Палата представляла собой небольшую комнату с кроватью, на которую был брошен дополнительный матрац. Узкий холщичик-пенал с разобраным креслом, убогим журнальным столиком и устало дребезжащим холодильником соединяли ее с больничным коридором. По нему то и дело с грохотом проезжали тележки с какими-то подносами, стаканами, баночками и скляночками. Это медсестры развозили по палатам лекарства и еду для больных, кто уже ослаб настолько, что не мог себе позволить доковылять до столовой, расположенной на этом же этаже - за лифтовым холлом. Старики возмущались этим грохотом робко - они не хотели портить отношения с медперсоналом, от которого они зависели буквально во всем. Врачи, сестры и сиделки убирали за прикованными к кровати бывшими героями и кумирами. Они кормили их с ложечки, вливали в дряблые и прилипшие к костям вены глюкозу, приносили скудный, подчиненный диете обед и протирали их тело на ночь влажной губкой. Что говорить - не все родные морально были готовы так ухаживать за своими стариками, так что грех было сердчаться на грохочущие тележки и громкие разговоры в госпитальных коридорах. Шум ремонтных работ в соседнем корпусе, закрытом на реконструкцию, и звон провозимой

мимо палат посуды будил больных, но и сообщал им одновременно, что они еще живы.

Так в этом центральном клиническом госпитале имени П. В. Мандрыка, спрятанном в Сокольниках, дожила свой век последние генералы Советской армии.

Чуть ли не через день в палату отца заглядывали его коллеги-сослуживцы, друзья и бывшие подчиненные, считавшие себя его учениками. Все они, как могли, пытались поддержать Генерала, при этом старались придать себе излишне беззаботный вид, будто Батя вот-вот поправится, и ско-

ления. Именно тогда мне показало, что существует разница в восприятии смерти среди тех, кто готовит своих пациентов к встрече с ней, и тех, кто этой встречи хотел бы избежать.

Мама не оставляла отца ни на минуту. Для нее это был священный долг и акт самопожертвования - оставаться со своим любимым другом, с которым она счастливо прожила 57 лет. Она уклонялась от предложений врачей самой пройти обследование в госпитале и будто не слышала наши увещания съездить домой на пару дней, чтобы привести себя в порядок и наконец выс-

как-то печальный доктор и тут же ретировался, оставив меня наедине с батей. Мама, расцеловав меня с дороги, тоже обычно уходила куда-нибудь. Все в семье: и жена, и сестра, и тетя - все понимали - мне с отцом есть что сказать друг другу, и не хотели нам мешать. Сын с невесткой вообще приезжали к деду часто, но так, чтобы со мной не пересекаться. Мы все хотели, чтобы "наш Генерал", как мы звали его в семье, никогда не оставался один на один со своими мыслями. Надеюсь, что мы поступали правильно.

"Присядь. Поддай мне с тумбочки очки, нет, не те, а в

Но я рассчитывал на другое наследство, и я его получил.

Прослужив верой и правдой своей Родине, отдав ей свое здоровье, отпуска и выходные, дослужившись до звания Генерал-лейтенанта, заработав репутацию исключительно порядочного человека и крупного военного ученого, отец оставлял мне свой главный капитал - книги по военной стратегии, словари по оборонной терминологии, свои воспоминания.

Когда болезнь сразила его и уложила в постель, он решил написать свою последнюю

ПЕРВАЯ ПУБЛИКАЦИЯ

знакомящие вас с вашей же родословной, с тайной происхождения вашего рода, а, значит, и с вашей личной тайной.

Уверен, что многие из нас, узнав, что в наших жилах течет кровь Великих Предков, Защитников рода, племени и всего тысячелетнего Отечества, Богатырей и Творцов, Граждан, которыми подобает гордиться их потомкам, сами меняли свое отношение к жизни, себе и своей стране, становились чище и благороднее. Иваны, родства не помнящие, - разве не они сносили храмы и дорогие русскому сердцу отеческие камни, разве не они сочли чванливо, что история России если и начинается, то непременно с них самих, а до них и не было ничего, кроме "кровоавого царизма" и каких-то там "блаженных" да "пожарских"?

Нет, надо знать свой Дух и Корень, знать, откуда пришли мы, и какая судьба уготована Богом стране нашей. Без этого - никак нельзя. Нельзя любить Россию, не зная, что у нее есть не только милые сердцу березки и овражки, но и душа ее и боль ее. Березки и овражки встречал я и на чужбине, в той же Европе, где я сейчас живу, да России иной нет нигде. Такую вторую не сыщешь. Историю ее не повторишь. И не исправишь.

БАБУШКА НАТАЛЬЯ БОРИСОВНА

Бабушка Наташа была очень сильным человеком. Только представьте себе: заболел полиомиелитом, который скрутил все ее конечности в штопор, она последние 9 лет своей жизни провела в постели в своей старой московской квартире, но я ни разу не видел ее удрученной и жалующейся на жизнь. Наоборот, бабуля была главным оптимистом и шутником в семье. Она знала бесчисленное количество всяческих анекдотов и забавных историй, прекрасно умела их рассказывать, а потом заходила таким заразительным смехом, что тетке Тане приходилось ставить раскаленный поднос с капустным пирогом на пол, а самой бежать к матери и просить, чтобы та остановилась, дабы "как бы чего не вышло". В общем, бабуля была талантливой артисткой-комедиантом.

Это не мешало ей быть строгой и властной с отцом, даже иногда жесткой. Я всегда поражался тому, как мой всегда уверенный в себе батя, тогда еще молодой красавец-генерал, жесткий на службе, да и в семье, из кабинета которого, как мне рассказывали, некоторые нерадивые сослуживцы вылетали в минуты его гнева как пробка из бутылки шампанского, короче, этот мой глыб-отец если и не дрожал перед своей парализованной матерью, то уж точно трепетал.

Сюда на улицу Дурова мы ездили регулярно - строго по раз установленному расписанию - аккуратно после обеда каждую субботу и так засиживались часов до 9 вечера. Честно говоря, пока я был маленьким, бабушка Наташа большого внимания на меня не обращала, и я сновал по комнатам и просторному коридору в поисках чего-нибудь мальчишке интересного. Иногда возвращался в большую комнату, где в углу стояла бабуш-

Дмитрий РОГОЗИН

Повесть

БАРОН ЖОЛТОК

ро все снова встретятся дома у моих радушных родителей. Мне же и сестре Татьяне гости наперебой рассказывали, "какой у нас отец", охотно вспоминая при этом, как когда-то он им здорово помог. В эти тяжелые для всей семьи дни я много хорошего узнал об отце.

Иногда в палату заходили и вовсе незнакомые нам люди, посчитавшие своим долгом засвидетельствовать ее хозяину свое почтение. Возможно, лишь праздное любопытство толкало их в эту комнату, куда госпитальное начальство помещало смертельно больных знаменитостей и просто уважаемых в Вооруженных силах людей. Как-то раз начмед госпиталя, который пришел проведать отца и деловито пощупать его пульс, торжественно объявил, что именно на этом матраце скончался митрополит Питирим. Отец тогда явно не понял историчности момента и лишь внимательно рассматривал и слушал оживленную беседу сопровождавших своего начальника врачей, охотно вспоминая обаятельного владыку Питирима, оставившего о себе среди медперсонала самые теплые и сильные впечат-

паться на нормальной кровати. Никто так и не смог ее переубедить, и три самых страшных месяца в своей жизни она не отходила от постели отца, урывками спала в холщичке на кресле-раскладушке, то и дело вздрагивая и просыпаясь то от стонов мужа, то от судорог старого холодильника. За это время она совсем высохла, осунулась, боясь думать о надвигающемся одиночестве.

Родителей я навещал раз в месяц - это точно. То командировку в Москву оформляю, то отпуск за свой счет возьму. Так дня на три-четыре и прилетал регулярно. Деловые встречи планировал после обеда, но с утра, заскочив по дороге в магазин, мчался к родителям в Сокольники - в госпиталь. Отец практически уже ничего не ел, поэтому просил привезти ему некоторые продукты так - на пробу, чтобы запомнить навсегда их вкус. Съест несколько красных икринок, выпьет глоток пива, понюхает кусочек буженины и всё. Радости жизни.

"Это он когда Вас видит, у него и аппетит просыпается, и тяга к жизни. Вы ему радость привозите", - сказал мне

прозрачной оправе. Ну, выкладывай, как дела, сын?", - отец берет меня за руку, и я, заранее приготовив повествование, начинаю свой доклад. Его большие, немного слезящиеся глаза смотрят внимательно. Такое впечатление, что он меня переспрашивает, уточняет какие-то заинтересовавшие его детали. Наконец, дождавшись, когда я окончательно увлекусь рассказом и уж точно не собою, он на секунду прерывает меня, прося перевернуть его на бок и помассировать затекшую спину.

Отца интересовало всё, что имело отношение к его прежней военной службе и к делам семьи. Мои отчеты по работе сменялись рассказом о ремонте старенькой куцей дачи на Луговой в Подмосковье, которая вкуче с прохудившейся крышей и скандальными разборками с соседями по какому-то дурацкому поводу досталась ему от моего деда Константина. Эта дача на четырех сотках - половина старорой избы и недавно отстроенная банька по завещанию доставались мне в наследство. Это всё, что в материальном плане было у отца.

книгу - книгу об истории нашего рода. Но силы его уже оставили. Глаза стали быстро уставать, пальцы плохо подчинялись и роняли карандаш. В общем, отец поручил это дело мне. Причем, чем слабее становился отец, тем больший интерес он проявлял к моим поискам в российских и зарубежных архивах всё новых исторических документов, окупавших в тайны прошлых веков и деяния наших предков. Знакомя отца с содержанием фотоконвертов найденных в архивах свідетельств, я видел, что помогаю ему хоть ненадолго забыть боль и отогнать тяжелые мысли. Мы как бы отправлялись с ним на машине времени в увлекательное путешествие, становясь живыми участниками великих событий отечественной истории. Это был наркотик посильнее того, что давали ему врачи.

История - это вообще наркотик и сильнейший антидепрессант. Но одно дело листать, позевывая, фолианты профессиональных историков или наслаждаться по ТВ львиной гривой и артистизмом отдельных из них, и совсем другое - выцарапывать из чудом сохранившихся архивов документы,